

Александр Кузьмин, Марина Кузьмина
**СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СМЕХА В
АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ**

Смех является одной из антропологических констант существования человека; он сопровождает человечество на протяжении всей истории его существования. Смех можно рассматривать как важнейший элемент онто- и филогенеза культуры; роль, функции смеха в обществе и отношение к нему служат показателями культурного и общественного развития, социальных, политических и идеологических ориентаций общества.

Эволюция феномена смеха в истории культуры отражает протекание сложных процессов в коллективном бессознательном, в структуре архетипов. Смех своеобразно моделирует и отражает сознание и самосознание общества, являясь специфическим показателем его состояния, показателем доминирующих ценностных ориентаций.

Актуальность обращения к феномену смеха связана с необходимостью выявления его сущностно-инвариантных характеристик. Именно они позволяют прояснить и определить ансамбль физиологических и символических функций смеха, специфику этого сложного культурного феномена и особенности его функционирования. Это дает возможность создать теоретическую и методологическую базу для изучения различных аспектов феномена смеха, для выявления скрытых символических характеристик смеха и его явной или неявной роли в празднично-обрядовой стороне культуры; для выяснения особенностей функционирования смеха в самых разных сферах культурной деятельности, включая этикет, коммуникации, дипломатию, политику и т. д.

Анализ символических функций смеха приобретает особую важность в свете нарастающей урбанизации и интенсификации жизни, в свете объективно-социальных и субъективно-психологических конфликтов, закономерно возникающих в современной культуре. Исследование символических и иных функций смеха содействует выявлению оптимальных форм рекреации, способов гармонизации бытия

личности.

Анализ символических функций смеха открывает перспективу нового взгляда на многие традиционные проблемы эстетики и культурологии. Во-первых, в данном случае речь идет об одной из ключевых проблем культурологической науки. С другой стороны, этот вопрос имеет непосредственное практическое значение в связи с развитием массовых театрализованных действий, всевозможных шоу и хеппенингов, с расцветом молодежной рок-культуры, с возрастающей ролью смеха в театральных, телевизионных, спортивных и других зрелищных постановках.

Бытие смеха в культуре многообразно. Сам смех является одновременно и продуктом человеческого организма, и средством его существования. С этой точки зрения смех может по-разному включаться в различного рода культурологические и специально-научные теории, выступая либо как объект анализа, либо как структурное, оценочное, экзистенциальное, онтологическое понятие, а также как субъективный модус человеческого мировосприятия и поведения. В этом качестве феномен смеха растворяется в широком философском, культурологическом и художественном контексте, сохраняя при этом свой инвариант, что позволяет при его реконструировании говорить не о конкретных исторических типах смеха, а о «смехе вообще», имея в виду своеобразную «метафизику смеха». Данная исследовательская установка предполагает синтез различных исторических представлений о феномене смеха, а также различное восприятие этого феномена в рамках этнографии, антропологии и др. научных дисциплин.

Обсуждение символических функций смеха позволяет выявить особенности европейской истории культуры на разных этапах ее существования, включая и настоящее время. Смех, как это ни странно звучит, обнаруживает свою причастность к поискам оснований мироздания, смысла жизни, целостного и гармоничного бытия человека.

Таким образом, рассмотрение смеха в многовариантности его функционирования в культуре, а также в его неизменной причастности к динамике культурно-исторического развития позволяет говорить о смехе как о своеобразной универсалии

культуры. Специфика ее проявления выражает особенности различных этапов существования культуры; пересечение различных сфер и способов существования смеха в культуре, и направлений, в соответствии с которыми феномен смеха включается в научные и культурологические теории, тем самым формируя проблематику исследования смеха как феномена культуры.

В данной парадигме символика смеха самым тесным образом связывается с символикой телесности. Любой культурно-исторический тип смеха, рассматриваемый, в первую очередь, со стороны его символических функций, всегда репрезентирует человеческое тело, которое, в свою очередь, следует понимать не как тело-организм, а как тело, рассматриваемое в единстве со способом его восприятия, ощущения, интерпретации. Смех всегда является культурно необходимым атрибутом отношения человека к своему телу. Он, с одной стороны, «демонстрирует» индивидуальное тело человека, а с другой – «индивидуализирует» коллективное тело, т. е. некий принятый за норму в рамках данного культурно-исторического типа образ телесности.

В случае, когда речь идет о символической репрезентации телесности в смехе, имеется в виду не только репрезентация индивидуального тела в неких общественно и эстетически значимых формах смеха, но и репрезентация коллективного тела на материале физиогномическом.

Смех есть то, что онтологически укоренено в культуре народа. Это реальная субстанция, обладающая и логическим, и метафизическим статусами, и в качестве таковой может подвергаться рефлексии именно на реальном субстрате индивида, принадлежащего к культуре определенного народа.

Смех не мыслим вне сферы свободы. В то же время для него жизненно необходимо состояние сопротивления, эмоционального напряжения, вызываемого, провоцируемого так называемым официозом (смех юродивых, скоморохов на Руси). Свобода же есть то, в чем нуждается смех в ходе своей эволюции, но и порождает эту свободу.

Впервые феноменальное явление смеха миру стало возможным посредством исторических, литературно-исторических, религиозно-исторических легенд, священных

писаний, формировавших национальные ментальности, которые ни в одной из известных парадигм не могут быть оценены как простая непосредственная рефлексия сознания. Так, Бахтин изучал культуру смеха средневековья по произведениям Франсуа Рабле. Смех наряду со словом может рассматриваться как способ существования интеллекта (ирония, сарказм как интеллектуальная насмешка). Тогда в этом своём качестве он парадоксальным образом становится противоположен чувствам, в отличие от традиционного понимания смеха как выражения эмоций и чувств. Именно такой интеллектуальный смех влияет на открытие исторических перспектив и альтернатив, просвета и зазора (свободы) для действительной эволюции смеха.

В античности благодаря торжеству идеи тождества мышления и бытия происходит потеря такой свободы как потеря перспективы развертывания в пользу «осуществленности всеобщего», тем самым закрывается дорога для эволюции национального смеха. Этот философский дискурс как будто зарядил и все античное мировоззрение, в том числе и литературно-исторические изложения. Впрочем, равновеликой является и возможность представить последние как более ранний источник специфичной для античности «исполненности». Возникает необходимость поиска альтернатив. После Парменида философия смеха пришла к идее развития внутреннего во внешнее в соответствии с порядком, диктуемым Логосом (Гераклит), однако, эта внутренняя необходимость и внешняя реализация онтологически неразличимы. Фиксируемое несовпадение чисто логическое. Потому все формы смеха суть формы превращенного огня, соответственно, таков не только сам мир смеха, но и космос. Досмеховые формы имели ту же организацию, логику.

Античный мир смеха – царство порядка, гармонии, стабильности, единства и ... отсутствия свободы (в плане творческого развертывания). Для античного смехопонимания не нужна перспектива, это неисторическое мышление, для которого нет различия действительного единства и феноменального множества. В метафизике Платона четко определяется в качестве более реального и подлинного не только божественное, но и эйдосы, выступающие как «объективный деятель» тварного мира, в сравнении с миром феноменальным. Таким образом, логическое,

онтологическое совпадение бытия и мышления в античности не содержит необходимого для существования перспективы зазора как творческой свободы.

Античное смехопонимание замкнутое, исполненное, осуществленное, несмотря на «погрешности» тварного бытия. Оно выходит за пределы внешнего опыта в область умозрительную, однако, при этом оно приводит в соответствие представление внешнего опыта, действительную натуру вещей, с результатом откровения внутреннего опыта и с безусловной основой вещей в качестве божественного. Это конструированное соответствие – попытка преодоления онтологических «погрешностей», которое и создает онтологически завершенную картину смеха, всеполноту его, более ни в чем не нуждающуюся, но, следовательно, лишенную перспективы. Это лишь внешнее преодоление, которое, быть может, лишило античную культуру смеха истории, оставив ей вечность.

Принцип вечности и бесконечности мира смеха, который исповедуется античным мышлением, – мнимая перспектива, ибо ощущение вечности подкрепляет, усиливает исполненность всеобщего. Постановка вопроса о смысле смеха как о его лежащей основе не характерна для античного мышления. Отсутствие метафорического зазора, который открыл бы свободу самореализации национального смеха, онтологическое соответствие логического и реального заставляют Аристотеля преодолевать платоновское «удвоение мира» смеха, которое фактически было внешним. Аристотель вводит энтелехию, но она вписывается в сложившуюся картину мира смеха как мира исполненного. «Смешное, – по словам Аристотеля, – это некоторая ошибка и безобразие; никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное» [1, с. 53]. Этот вечный парадокс античности: вечное стремление, движение к высокому, но ... застывшее движение – движение исполненности. Абсолютная завершенность и совершенность красоты античных творений – красота, не требующая дальнейшего развития, творчества, в чем и «живет», собственно, смех, красота, не требующая ничего. Смех не терпит стагнации. Он есть реальная форма жизни, эволюционирующая, которая изначально определяет, окрашивает определенным образом наши стремления и деятельность, энергию творчества –

всю предлежащую ему действительность нашего мира, но и возвращает назад, к себе же, для саморефлексии, самоопределения. Таков естественный ход эволюции смеха, когда попавшая в сферу деятельности смеха действительность теряет качество чистой объектности, вещности и внешности (вне) и обретает особую непантеистическую духовность, субъектность или, если угодно, метафизичность. В результате перспектива творческой свободы не суживается, как это случилось с идеальной античностью, но увеличивается. Античная полисная система, гражданство, локальность и сравнительная малочисленность античных народов были уникальными идеальными условиями для формирования духовного культурного единства античных греков, сулили успешное долголетие их культуры смеха. Сложность и опосредованность влияния метафизических основ данной философии на национальную культуру не сказались столь же фатальным образом, но стали трамплином для радикального поворота к неклассической философии. Возможно, первым таким поворотом и уходом от бесперспективности было появление мировых религий, в основе которых обязательно несовпадение внешнего и внутреннего онтологического, логического и метафизического. В связи с этим было бы интересно понять, возможно ли сегодня открытие новой перспективы, которая вдохнет свежие жизненные силы в современные национальные культуры смеха.

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. – М., 1957.